

18+

Александр Непоседа

В одно касание

Избранное

Александр Непоседа

В одно касание. Избранное

«Издательские решения»

Непоседа А.

В одно касание. Избранное / А. Непоседа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745832-4

О любви, калейдоскоп стихов и прозы. Лучшее. Читателю в дороге, дома, с друзьями, в одиночестве. Никто не одинок, знайте, кто-то думает о вас.

ISBN 978-5-44-745832-4

© Непоседа А.
© Издательские решения

Содержание

Петербургский узел	6
Зоркий	7
Герань	10
Зоркий	12
Герань	14
Зоркий	16
Герань	18
Герань и Зоркий	20
Лесневская	22
Герань и Зоркий	24
Зоркий	26
Энигма	29
Инфанта	30
Детство Шахразады	31
Свидание	32
Невозвратное	37
Милана	42
Уроки русского	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

В одно касание Избранное

Александр Непоседа

Иллюстратор Ирина Овсянникова

© Александр Непоседа, 2020

© Ирина Овсянникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-5832-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петербургский узел

Рисунок автора

Зоркий

Он вскочил на подножку вагона в самый последний миг, когда поезд, набирая ход, стуча колесами, покидал Николаевский вокзал. Необходимо было сбросить с себя верхнюю извозчичью поддёвку, снять парик, избавиться от приклеенных усиков, чёрт их задери! Над верхнею губой жгло и саднило. Отдышавшись, прошёл до своего отделения, присел с краю. Теперь главное, не спугнуть. Пусть думает, что сумела оторваться от наблюдения. Он надвинул шляпу на глаза, откинулся, замер. «А капитан задумал неплохую партию! Продержат Бёрхарда в участке и отпустят. Только бы все получилось. Будут доказательства шпионской деятельности Бёрхарда, тогда и станцуем вальс. Сыграем с девочкой дуэтом. Дадим понять, что немцы могут получить официальные доказательства её двойной игры. Впрочем, у вас есть выбор, мадам! Работаете на нас, дезинформируя заинтересованных лиц и все чисты! Бёрхард, старая лиса. Он упорно и целенаправленно стремится к Балтике. К нашему флоту, его расстановке, классу кораблей и уровню вооружения. Активность германской разведки движется в последние недели по восходящей. И никто не может определить причину этой странности».

Через два часа поезд дёрнулся, засвистел паровоз, сбрасывая скорость. Остановились. Он спокойно поднялся. Прошёл по коридору, спрыгнул на станционный перрон. Торговцы пирогами, ягодами, водой, квасом, овощами и зеленью, перекрикивая друг друга, растекались вдоль состава. Клубился дурманящий запах сирени. Парило. Купив три пирога с мясом и стакан кваса, присел на скамью и в тот же миг увидел её, сходящую по ступенькам вагонной площадки. Соломенная шляпка. Волосы подобраны. Но он узнал бы теперь «Герань» из тысячи. Выбрав землянику, прохаживалась, изящно отправляя по яголке в рот, беспокойно оглядывая пёструю толпу.

Рядом с ним молодая, разбитная селянка бойко торговала разноцветными петушками на палочке, вынимая их из огромной корзины, застеленной чистой холстиной, неправдоподобно толстая коса была закручена вокруг головы. Ударил колокол. «Герань» скорым шагом направилась обратно. Высокий, худой юнкер подал ей руку, и она легко взбежала наверх. Выждав какое-то время, когда паровоз, отдуваясь шипящим паром, прокрутил лоснящиеся от смазки колёса, звонко и протяжно крикнул, ритмично выбрасывая из трубы кольца дыма, плавно поплыли окна, вагоны. За ними, в предгрозовой тишине темнел могучий бор, и он торопливо бросился на своё место.

«Немного нервничает. И что за юнкер? Попутчик? Крайне интересно, как теперь свяжется с ней Бёрхард? Скорей всего в Петербурге есть связник. Ай, да узелок! Распутать такой умело, все козыри останутся на руках!». За окнами летел безоблачный летний вечер, впереди ждала бессонная ночь. Но именно такие обстоятельства вызывали в нем кипучую деятельность.

Коротко постучав в дверь проводника, видя, как она отворяется, вошёл и плотно прикрыл за собой. Через пять минут ему доложили. Дама едет в четвёртом отделении, место у окна. Юнкер напротив. Оживлённо беседуют.

- Когда следующая остановка, любезный?
- Через два с половиной часа, господин офицер.
- Тсс. Не обращай ко мне так.

Он перешёл в вагон-ресторан, здесь было шумно, многолюдно. С трудом отыскал свободное место, заказал уху и расстегаи. За столом сидели морские офицеры Балтфлота. На штатского они даже не взглянули. Водка, блины, копчёное мясо на тарелках. Их беседа была немного сумбурна, мелькали словно вымпелы, слова: Моонзунд, Кронштадт, «Новик», Финский залив, названия боевых кораблей, фамилии офицеров и мичманов. Ему подали заказан-

ное и он жадно, с аппетитом поел. Поблагодарил офицерскую компанию за тёплый приём, пожелал им приятного вечера и вернулся к себе. В вагоне стихло, многие уже спали.

А он так и просидел всю короткую ночь с надвинутой шляпой и зорким взглядом. Около семи часов утра она неслышно прошла в туалетную комнату. Вернулась свежая, бодро простучав каблучками. Распушенные и аккуратно расчёсанные волосы. К ней не приставала ни дорожная сумятица, ни стеснённые условия поездки.

«Ну что же. Посмотрим, как поведёшь ты себя дальше, по приезду в северную Пальмиру. Отправишься в гостиницу или по адресу, хранимому в твоей красивой головке? Придется подключить местную агентуру, одному здесь не справиться». Проводник разносил чай, баранки. Узнав, что остановок более не предвидится, с удовольствием выпил стакан горячего и ароматного напитка и заставил себя поспать оставшиеся три часа. Проснулся от внутреннего щелчка. Бодро поднялся. Поезд уже прибывал, втягивался под высокие своды вокзала, спешили носильщики, встречающие. Петербург!

Он спрыгнул на ходу, смешался с толпой, следуя за своим вагоном. Наконец глухо простучали буфера. Состав встал. Она вышла в числе последних пассажиров. Ему пришлось огибая людской водоворот, стараясь не упустить из вида высокую причёску с чёрным бантом, пробираться вдоль вагонов.

– Серёжа! Бог мой, Серёжа!

Он вздрогнул, оглянулся. К нему спешила Нина. Та самая Нина, с кем роман не получил продолжения из-за его вечной занятости. Знакомство состоялось на выпускном вечере Московского военного училища. Свежеиспечённые лейтенанты и слушательницы Московских женских курсов факультета медицины. Много танцевали, пили шампанское. У неё были ласковые глаза, высокая грудь, красивые руки. Потом несколько встреч. Невинные поцелуи. Длинные письма друг другу.

Она, налетев ураганом, заглядывая в глаза, что-то быстро и торопливо говорила. А он, освобождаясь от женских прикосновений, волнуясь от двойственности своего положения – «Осколки, зеркальные иглы» – билось в висках, удаляясь от неё, прижимая руку к сердцу.

– Извини, я очень спешу! Извини, Нина!

И бросился прочь, ища глазами чёрный бант, который скрывался уже за дверью станционного ресторана.

Телефонограмма. Срочно! Петербург, в Управление контрразведки. 28 июня 1914 год.

Для «Зоркого»

Сообщаю, что деятельность господина Бёрхард, в отношении сбора секретных данных о вооружении Российской армии и флота, подтверждена наличием обнаруженных у него шифров. Капитан Слоним.

Заходить в зал он не решился. Войдя в здание вокзала, проследовал к стене из набранного цветного стекла, разделяющей обедавших в ресторане, и дремавших на лавках. Через щели между плотных зеленых штор отыскал её глазами за крайним столом, в углу возле входа. К ней спешил половой, с полотенцем через руку, в длинном белом фартуке. Обойдя помещение со стороны улицы, отыскал чёрный ход. Вошёл. Полутемные, с низкими потолками лабиринты, ящики, бочки. На кухне суета персонала, повара в высоких белых колпаках. Запахи свежих овощей и жареного мяса.

– Что вам угодно, господин?

К нему обратился опрятный старичок в сюртуке, на накрахмаленной рубахе искрилось белоснежное жабо.

– Мне нужен администратор.

– Тогда вы по адресу!

И протянул руку.

– Семён Евграфович.

Он назвал, спросил – можно ли позвонить. Через минуту старичок проводил его в свой кабинет, здесь пахло лимоном, ванилью, на столе стоял ведёрный самовар.

– Барышня! 3 40, пожалуйста.

Долго не соединяли. Потом в трубке загудело, пощёлкало дробным перестуком.

– Аллю! Слушаю вас!

– Павлов говорит. Код 37. Я на Московском вокзале! Прошу прислать двух человек. Буду ждать возле буфета.

– Высылаем! Погодите минуту!

Возникла пауза, затем басовитый с хрипотцой голос.

– Павлов! Потрудитесь явиться к нам, сударь! Для вас телефонограмма из Москвы!

Узнав своего друга Костю Ваганова, он улыбнулся.

– Константин! Когда ты повзрослеешь? Разложу ноты на пюпитрах и буду, жди!

И положил трубку.

– Семён Евграфович! Заприте, пожалуйста, за мной чёрный ход на время. На полчаса, не более.

На том и расстались. Помыл руки и лицо в туалетной комнате, взглянул на себя в зеркало. Поправил поля шляпы. У буфетной стойки было пусто. За нею, скучающая чернобровая барышня в кокошнике. Взял калач и кофе со сливками. Позавтракав, расплачиваясь, увидел двух мужчин, направлявшихся к нему.

«Вот и славно».

Со стороны казалось, что три молодых человека встретились после долгой разлуки. Бродили по залу, беседа в полголоса, жестикулируя. Остановившись на минуту возле зеленых ресторанных штор за стеклянным разноцветьем, рассмеялись, похлопывая друг друга по плечу. Шли дальше. Так он, раскрывая для них тему, инструктировал, уточнял, одновременно описав её внешность, манеру поведения и показав обеим одинокую девичью фигурку за столиком. На улице он пожал им руки.

– Надеюсь на вас! Один у парадного, другой к чёрному ходу. «Герань» очень умна. Помните это. Нам нужен адрес, где она остановится, только адрес!

Он свистнул извозчика и помчался на Кронверкскую улицу.

Герань

Ужасно хотелось помыться после дорожных дрызг, после вагонной, всюду проникающей пыли, но она сдерживала себя, решив еще в дороге не торопиться, поступать обдуманно. А значит не стоит стремиться сразу в город. Остаться на вокзале часа на два-три, оглядеться. Если и притянется московский хвост, то проявит себя каким-то образом. Надо выбрать место, где можно спокойно осмотреться, отдохнуть самой и заодно перекусить. И она подумала, что лучше ресторана позиции не подыскать.

Ночью не спалось. Тревога не отпускала. Проваливалась в сон, просыпалась, и снова проваливалась, и так – до головной боли. Под самое утро приснилось – огромное поле, порыжевшее от солнца, летящая по нему свора борзых и удирающий немислимыми скачками серый заяц. Затем все смешалось в ослепительный клубок собачьего лая, визга и заячьего стога среди примятой травы. Открыв глаза, она ещё с минуту раздумывала. «К чему бы это?» Потом резко поднялась, взяла из сумочки необходимое и отправилась привести себя в порядок. Проводник подал чай и баранки. Попутчики спали. Завтракала в одиночестве.

По прибытию поезда, дождалась, когда все пассажиры покинут отделение. Задёрнула занавеску на окне. Вынула из картонной коробки тёмно-синюю юбку с белыми оборками по подолу, жакет из чёрного бархата, чёрный пышный бант. Все это она купила в Москве, по дороге на Николаевский вокзал. Быстро переодевшись, собрала волосы к макушке, заколола десятком булавок и перевязала бантом. Снятую одежду и соломенную шляпку забросила на верхнюю полку. Схватила сумочку и пошла к выходу. Отметила удивлённый взгляд проводника. Но ей уже было всё равно. Дорожная эпопея закончилась.

Через две минуты она открывала дверь привокзального ресторана. Посетителей было немного. Окинув глазами зал, выбрала столик в углу. Недалеко от входа. Справа широкое окно, откуда виден перрон. Заказала солянку и салат оливье, лимонад. Попросила сегодняшнюю газету. Непринужденно сидя за столом, прощупывала взглядом. После неё никто в зал не входил. На пустынном и солнечном перроне вышагивал полицейский. Наконец нашла искомое. На пятой странице, среди десятков объявлений. «Даю частные уроки вышивания. Гороховая, 8». Неторопливо пообедала. Успокоилась. Кажется всё чисто. Но стоило ещё раз проверить. И она, расплатившись, неторопливо пошла к выходу в город. Подозвала извозчика.

– В Егоровские бани!

И там, сбросив все одежды, на два часа отдала себя в руки расторопной услужливой девке.

В раскалённом воздухе стоял густой аромат можжевельника, хлестая барышню берёзовым венником, обдавала прохладной водой, поила чаем и снова вела в парилку. Затем долго мыла мягкой душистой мочалкой с обилием мыльной пены, промывала волосы настоем крапивы, пока они не стали шелковистыми и скрипучими во влажных пальцах. Обернув в широкое полотенце, уложила её на широкую лавку, подсунув под голову подушку набитую лавандой.

– Отдыхайте! А я ваше бельё постираю, оно за полчаса высохнет.

И убежала.

Проснулась от прикосновений прохладной руки. Над ней стояла прислуга.

– Вставайте, пожалуйста! Всё чистенькое. Пожалуйста одеваться.

Голова была совершенно ясной, тело звенело от легкости, и она, надев на себя чистое бельё, юбку и жакет, снова почувствовала себя юной деятельной особой. И впервые, за последние два дня – улыбнулась. Через час она дважды дёрнула шнурок звонка. Дверь распахнулась. Дородная дама, затянутая в хрустящее долгое вечернее платье. Великолепная прическа.

- Я прочла ваше объявление в газете!
- Ах, уже напечатали? Так неожиданно!
- И мгновенно улыбнувшись, посторонилась.
- Входите, милая!

Просторная квартира, напоминающая антикварный магазин. Картины в дорогих тяжёлых рамах, напольные керамические вазы, фарфор, серебро, изваяния ангелов, вакханок, целующихся пар. Высокие, под потолок, старинные часы в потемневшем деревянном корпусе с бронзовой инкрустацией.

– Проходите сюда! Ваша комната. Располагайтесь. Вот вам ключ от входной двери. Не смею мешать. И не стесняйтесь, милочка. И ещё. Я не всегда ночую дома, так что не извольте беспокоиться.

И легко развернувшись, проследовала к выходу, щёлкнул замок. А она присев на стул, сняла бант, вынула заколки.

Из оперативных донесений русской контрразведки, Москва, год 1914.

Сегодня, 28 июня, «Герань» с 12 часов 05 минут до 14 часов 47 минут находилась в ресторане Московского вокзала, после чего проследовала в Егоровские бани, где пробыла с 15 часов 24 минут до 18 часов 00 минут. Затем сменив двух извозчиков, сошла на Гороховой, и далее шла пешком. Остановилась по адресу Гороховая, 8. Хозяйка квартиры Лесневская Илья Эриховна. 46 лет. Вдова капитана второго ранга Лесневского В. П. погибшего в Порт-Артуре в 1904 году при торпедировании броненосца «Ретвизан».

Зоркий

Прочитав телефонограмму, он вздохнул. «Есть! Ай, да капитан! Умница! Теперь следовало действовать. Только надо дождаться когда „Герань“ получит шифры».

– Константин! Организуй чай для гостя.

Тот сидел напротив, попыхивал трубкой.

– Сейчас принесут! Я уже распорядился.

– Спасибо! Давай предположим с тобой, что она может предпринять? Раз прибыла в Петербург за сбором сведений о вооружении флота, означает ли это, что мы имеем источник среди офицерского плавсостава? А может брать ещё выше?

– Все может быть. Просеять всех просто невозможно. Я убеждён, что интересные для нас люди даже встречаться не будут. Задействуют посредника. Этакое барашка на заклание. Возможно, Бёрхард придумает иной способ передачи сведений. Одним словом стоять нам на четырёх лапах и нюхать воздух, Сергей. А вообще, если честно, ты неважно выглядишь. Поедем, я отвезу тебя к себе. Мама накормит, примешь ванну и спать. И не возражай! Здесь команду я!

– Как чувствует себя Анастасия Львовна?

– Спасибо! Она у меня молодец! Да и сам увидишь!

Засыпая в обволакивающей постели, он вдруг подумал о Нине, вспомнив её растерянный взгляд и беспомощный жест руки среди людского многоголосья. «Какой же я идиот! Даже не спросил, где она служит сейчас. Нехорошо всё получилось! Ай, как плохо».

Богатырский сон продлился весь вечер и наступившую ночь. Проснулся он, когда часы показывали 6:12. «Силён ты, батенька, поспать» – просветлилось в голове. Поднявшись, подошёл к окну, распахнул. Ударило птичьим щебетом, ярким и радостным, какой бывает только на заре. Внизу прошёл дворник, неслышно ступая по дорожке, неся в руке внушительную лейку, начал поливать цветочные клумбы. В чистом небе ни облачка. Пряно пахло листвой, речною свежестью с Невы. Умывшись до пояса холодной водой, он растирался полотенцем, когда в комнату к нему заглянул Константин.

– Снимаемся с якоря? Хорош, ты брат!

– Доброе утро! Выспался аки младенец! Есть новости?

– Есть! Давай одевайся, жду тебя в столовой, мама уже накрывает.

И исчез. А он, посвежевший от здорового сна, от прекрасного утра, поклялся себе написать сегодня письмо Нине. На старый московский адрес. В крайнем случае, родители всё равно передадут послание в её руки. За завтраком Константин поведал ему о вчерашнем сообщении розыскников, назвав адрес «Герани» и данные о хозяйке квартиры госпоже Лесневской.

– Я вчера, Сергей, посмел предположить, что именно Лесневскую нацеливает Бёрхард на Балтийский флот. Поясню. Вдова. Муж, капитан второго ранга, погиб при обороне Порт-Артура. Службу, заметь, начинал здесь, на флоте, на эскадренных миноносцах. Сослуживцы самого высокого мнения о нём, как о классном специалисте по морскому минированию. Они, в память о погибшем, всячески помогают вдове, оказывают содействие моральное и материальное. Хотя она получает достойную пенсию за супруга. И ещё. Она постоянный посетитель всех балов, торжественных вечеров и празднеств в Морском собрании, куда слетается вся элита плавсостава флота. Не факт, но вполне возможный вариант. А учитывая, что «Герань» в Петербурге остановилась у Лесневской...

– Bravo, Константин! Конечно не факт! Но весьма заманчивая увертюра! Здесь главное не увлечься! Собьёмся с курса, потеряем уйму времени на разворот! Необходимо тщательно проверить все связи Лесневской.

– Вот этим, Сергей, я и начну заниматься с сегодняшнего дня.

– Я еду с тобой! Возможно, есть новости из Москвы. Потом прогуляюсь по Гороховой. Следует нарисовать для себя подробную картинку возможных и непредвиденных действий. Через полчаса они мчались в пролётке на Кронверкскую улицу.

Герань

Вечер она провела, не выходя из квартиры. Босиком бродила по комнатам, ступая по тёп- лому паркету. Лучи солнца играя, разлетались брызгами многочисленных отражений. Мерно стучал маятник часов. Три окна выходили во двор, замкнутый со всех сторон домами, с полу- круглую аркой. Остальные окна, гостиной и столовой, смотрели на улицу. Рядом со спальней хозяйки, в просторном светлом кабинете стоял рояль. На стенах фотографии военных моряков. Потрет стройного широкоплечего мужчины в парадном мундире. Часы над камином пропели серебряным перезвоном, и тут же из гостиной отозвались тяжёлые 19 ударов старинных часов.

Она, скользя взглядом по фото на стене, подошла к сверкающему чёрным лаком инстру- менту. Подняла крышку и пробежала пальцами по прохладным гладким клавишам. Но ещё не успел растаять звук последней ноты, испытав щекотливое чувство любопытства, она уже вновь разглядывала снимок группы военных и людей в штатском. Офицеры стояли плечом к плечу, в полной амуниции, с кортиками у пояса. Среди них узнала того, чей портрет ей запомнился. Та же выправка, взгляд, высокий лоб.

Но что это? Впереди них, прямо на траве сидели, вытянув ноги, двое штатских. Тот, что справа, в полувоенном английском френче с накладными карманами, в гетрах до колен и крепких зашнурованных ботинках с войлочным голенищем, с колониальным шлемом в руке и с тростью в другой – Бёрхард! В левом верхнем углу фотографии, витиеватая надпись «*Порт- Артур. 1902 год*». Выходило, что Лесневский и Бёрхард были знакомы уже тогда, более десяти лет назад. А может быть, знакомство началось ещё раньше?

Зазвенел колокольчик в прихожей. Она на цыпочках пробежала к себе, взяв из сумочки стилет, затем до двери, и заглянула в глазок. Почтальон в форменной фуражке, с сумкой на плече.

– Кто там?

– Телеграмма госпоже Лесневской! Срочная!

– Госпожи нет дома!

– Получите и распишитесь! Так телеграмма скорей достигнет адресата!

Она секунду размышляла, а затем щёлкнула замком.

– Входите!

Почтальон шагнул и прикрыл за собою дверь. Расстегнул сумку, вынул телеграмму, про- тянул. Подал бланк. И она прошла в кабинет к столу. Расписалась, поставив закорючку Си с петелькой задранной вверх. Руки подрагивали от волнения. Или от пережитого страха? Она потёрла виски. Заперла за ним дверь и развернула телеграмму.

«Дорогая тётюшка. Отпуск провожу в 30 верстах от Москвы. Место райское, настоя- щий летний сад. Пробуду ещё десять дней. Людвиг».

Абракадабра, какая то. Она бросила телеграмму на стол. Поужинав, улеглась спать, поло- жив стилет под подушку.

Утром её разбудили шаги в гостиной. Хозяйкин голос. Она что- то напевала, постукивала каблуками, скрипнули оконные рамы.

– Боже! Какое утро! Вы ещё спите, милочка?

Раздался осторожный стук в дверь.

– А! Уже проснулись? Как я рада вас видеть! Надоели эти господа офицеры! Все эти раз- говоры про пушки, мины и корабли. Фи! Поднимайтесь! Будем завтракать! Я взяла на Николь- ском свежий творог и сметану. И у нас есть пирожные!

- Да, да. Я встаю! Спасибо, вы так любезны!
- И давайте, всё – таки знакомиться! Ильза Эриховна!
- Софья!
- Я буду называть вас Сонечкой! Вы не возражаете?
- Не возражаю Ильза Эриховна.

Она вскочила с кровати и с детской непосредственностью взъерошила спутанные от сна волосы.

- А вы красавица! Прелесть! Вот что значит – возраст!

И улыбнувшись, удалилась в столовую. Разливая чай в бокалы тончайшего фарфора, Лесневская прошептала.

- У меня сегодня праздник! Я прочла телеграмму от Людвига!
- А кто он вам?
- Кузен! Так вы его знаете!
- Я? Как я могу знать ваших кузенов?
- Господи! Да это же Бёрхард! Это он порекомендовал принять вас.

Она снова перешла на шёпот.

– Он приезжает 30-го. В 10 часов мы встречаемся в Летнем саду. Возле райского дерева, так называют одинокую старую яблоню. Я безумно обожаю Летний сад! Именно там я познакомилась с Виктором, своим будущим мужем. Боже, Виктор! Как он был красив в тот день!

Глаза её повлажнели, и она похлопала ладонями по своим щекам.

- Всё! Всё, никаких слёз сегодня! И давайте пить чай!

После завтрака она произнесла.

– Пойду, посплю часа три, очень устала за ночь. А потом отправимся в моей модистке! Я вас познакомлю, она обладает чудным вкусом! И давайте сегодня, Сонечка, закатимся вдвоём в хороший ресторан! Прекрасно поужинаем и выпьем изумительного вина!

Вернулись очень поздно. Извозчик, доставивший их к дому, принял двух говорливых дам за мать с дочерью, отдохнувших в узком кругу родственников.

Зоркий

В кабинете Ваганова было жарко с самого утра, солнце нещадно светило в окна, входили и выходили не суетливые, сосредоточенные люди, стоял треск Ундервудов, трезвонили телефоны. Обычная повседневная работа аналитиков. Новостей из Москвы не было. Разгоняя рукою табачный дым.

– Не стану вам мешать, господа! Переношу своё концертное выступление на Гороховую!

Константин, улыбнувшись в ответ, и постукивая остро отточенным карандашом по столу.

– Вечером жду! Сегодня мама испечёт мой любимый пирог!

– О! Все мои мысли теперь будут заняты только этим! Искуситель!

Он вышел на тенистую сторону улицы и медленно пошёл, любуясь летним Петербургом.

Доехал до Невского проспекта. Заходил в магазины, букинистические лавки. На почте взял почтовой бумаги и конверт. Пообедал в уютном трактире на Адмиралтейской. Становилось жарко. Снял шляпу, провёл ладонью по макушке – «Пора бриться». Через улицу заметил вывеску «Парикмахер мужской». Мастер обрил его круглую голову, щёки и подбородок. Освежил туалетной водой. Надев шляпу возле зеркала, остался доволен. Через час он был на Гороховой. Долго изучал расположение домов с прилегающими дворами. Сквозные проходы. Пути, ведущие в переулки. Постоял в полукруглой арке замкнутого двора. Окна задрапированы дорогой портьерой. Со стороны улицы не было смысла появляться. Он обогнул дом и остановился возле угла, чтобы рассмотреть интересующий подъезд.

Распахнулась дверь, раздались женские голоса. Он отпрянул и застыл за каменным выступом.

«Пройдёмся немного, Сонечка! Хочется подышать после сна, сначала к Аничкову мосту, в салон модистики, о которой я тебе говорила! Вы обязательно подружитесь! А уж потом в ресторан, я знаю отличное место». Пышная дама с высокой причёской и летним зонтиком, и «Герань», с сумочкой на хрупком локотке согнутой руки. Он перестал дышать. Женщины прошли в двух шагах, не оглянувшись.

– Ну, вот и познакомились, госпожа Лесневская.

Торопливо нырнув в тень дома, вышел проходными дворами на параллельную улицу.

Пирог с творожно-яблочной начинкой был великолепен. Выпили по рюмке коньяка и принялись уплетать ароматные куски, нарезанные Анастасией Львовой.

– Круг общения Лесневской весьма и весьма широк! Мы не выиграем эту партию, Сергей! Я могу только представить, какие потоки информации омыают её, когда офицеры навеселе. И нам, доложу вам сударь, неизвестно, насколько памятлива Ильза Эриховна. А он в это время вспомнил тех, с кем пришлось пробыть за столом вагона-ресторана не более 40 минут. В словах Константина была весомая доля правды. Останься он тогда с офицерами на целый вечер, сколько бы ещё услышал флотских новостей под стук колёс...

– Ты прав! Тысячу раз прав! Нам остается только одно! «Герань». На ней замыкается анализ полученной информации, подготовка и шифровка, плюс отправка на адрес Бёрхарда. Знаешь? Мне кажется, что он со дня на день непременно появится здесь. Ты слышишь тишину в оркестровой яме? Инструменты настроены, ноты разложены, но отсутствует дирижёр!

И тут Константин, наливая в бокалы английский, с пряностями чай, загадочно улыбнулся, и движением фокусника вынул из кармана жилетки бланк телефонограммы.

– Прочтите, сударь!

Телефонограмма. Срочно! Петербург, в Управление контрразведки. 29 июня 1914 год.
Для «Зоркого».

Сегодня, 29 июня, в 16 часов 40 минут, с Николаевского вокзала, господин Бёрхард отправился поездом в Петербург. Вагон первого класса. Второе купе. Место 4.

Настоятельно прошу принять все надлежащие меры для обеспечения встречи Бёрхард и «Герани». После его отбытия приступить к исполнению варианта Г. Капитан Слоним.

– И ты весь вечер молчал? О! Нет вам прощенья! Стреляться! Завтра же! Где мой Лепаж? Они расхохотались. Заглянула в столовую Анастасия Львовна.

– Как весело у нас сегодня!

– Мама! Присаживайся с нами, выпей чаю!

– Нет, нет. Я иду спать. Доброй ночи вам.

– Доброй ночи, мама!

– Доброй ночи, Анастасия Львовна!

Проговорили до позднего часа. Коснувшись щекой подушки, он ещё успел отругать себя за ненаписанное к Нине письмо, и провалился в сон.

Из оперативных донесений русской контрразведки, Москва, год 1914.

Сегодня, 29 июня, «Герань» и Лесневская Ильза Эриховна, проживающие по адресу Гороховая, 8. в 13 часов 18 минут проследовали из дома в салон модистки Изольды Гиммельман по адресу Миллионная, 8. где пробыли с 13 часов 51 минуты до 14 часов 43 минут. После чего направились в Летний сад. Завершив длительную прогулку, в 16 часов 28 минут прибыли в ресторан «Пушка» где и провели вечерние часы. Контакт с посетителями ресторана не наблюдалось. За столом находились только вышеозначенные лица. Возвратились по проживаемому адресу в 22 часа 17 минут.

Из полицейских сводок Министерства Внутренних Дел. Петербург, год 1914.

В последние дни июня в городе отмечена активизация преступных шаек занимающихся квартирными кражами, по причине отсутствия хозяев, что связано с отъездом в отпуск, либо на дачу. Зафиксированы приемы проникновения в квартиры при помощи взлома входной двери, а также через окна и балконы. Особый интерес проявляется к таким предметам, как золото, деньги, драгоценности, антикварные изделия. Используемый транспорт – услуги извозчиков. Преступления носят дерзкий характер и влекут за собой убийства горничных или прислуги. Оперативные данные, поступающие из других губерний, единичные аресты преступников, позволяют утверждать о массовой акции партии РСДРП.

Герань

Проснулись одновременно. Когда часы отбили семь, столкнулись в коридоре по пути в ванную комнату.

– Доброе утро, Ильза Эриховна!

– Доброе, Сонечка! Выспалась? Я уступаю молодости! Проходи! А я приготовлю завтрак, ужасно хочу горячего чаю! У нас с тобой сегодня очень важный день! Нам надо прекрасно выглядеть!

В девять утра они вышли из дому. Было пасмурно, тепло, туманно. Взяли извозчика и поспешили в парикмахерскую. «Не могу же я предстать в таком виде перед Людвигом». Через полчаса она вышла с изящно завитыми волосами. «Нравится? Не могу себе позволить быть неряшливой, Сонечка».

В Летнем саду решительно направилась, держа под руку, в дальнюю его часть, на тенистую аллею. И там, уже неспешно прогуливаясь, поведала о том, как в день свадьбы с Виктором, когда все гости находились за столом, внезапно появился Бёрхард. Распахнул настежь стеклянные двери в зал, выдержал паузу и торжественно произнёс.

– Германия поздравляет вас!

Под аплодисменты присутствующих, четыре амбала внесли огромную колонну из потемневшего дерева. Поставили её к стене. Развернули. Колонна оказалась старинными часами немецкого мастера Штандера. Людвиг выставил бронзовым ключом готические стрелки, и качнул маятник. «С этого момента они начали измерять время нашего счастья. Ах, Сонечка! Какой чудесный был тот год! И представляешь, 1888! Сплошные милые восьмёрки! Это слова Виктора». Вдруг она сжала ей руку.

– Людвиг!

Из боковой аллеи к ним быстро приближался с небольшим кожаным саквояжем, Бёрхард.

В безупречной тройке и крепких башмаках на толстой подошве. Поцеловав руку Лесневской, приветливо кивнул, и пригласил жестом следовать далее.

– Извини, Ильза, задержался на три минуты. Он вынул из кармана баночку леденцов монпасье и протянул Софье.

– Это для вас.

И не теряя ни секунды времени, глядя только вперед, продолжил.

– Софья! От вас сейчас зависит очень многое. Я подготовил необходимый реестр интересующих нас аспектов. Вам необходимо ориентировать Ильзу Эриховну в нужном направлении. У неё отличная память, но вам придется всё записывать, фильтровать, анализировать. Одним словом я должен получать точные и правильные ответы на поставленные вопросы. Все бумаги после использования сжигать. Корреспонденцию в зашифрованном виде будете доставлять в Диршау.

Он назвал адрес.

– Не забудешь? Впрочем, объёму памяти, которым ты владеешь, даже я испытываю зависть. Он взглянул на Софью и задумавшись о чем-то, помолчал. Протянул ей банковский чек.

– Оплату буду производить на этот счёт. А тебе, дорогая, вот, на первое время.

Вручил Лесневской увесистую упаковку ассигнаций.

– Прощайте!

И стремительно направился к выходу. Софья, взглянув на Ильзу Эриховну, вынула из сумочки носовой платок и принялась вытирать слёзы безудержно плачущей вдовы.

Из оперативных донесений русской контрразведки, Москва, год 1914.

Сегодня, 30 июня, в 10 часов 03 минуты, в Летнем саду состоялась встреча майора германской разведки Бёрхарда с госпожой Лесневской и «Геранью». Через четыре минуты, т.е. в 10 часов 07 минут господин Бёрхард из Летнего сада отправился на вокзал.

Телефонограмма Российской императорской пограничной стражи. Станция Вержболово, год 1914.

Отвечая по существу вашего запроса, сообщаем, что господин Бёрхард покинул пределы Российской империи, следуя поездом на Берлин 30 июня, в 20 часов 35 минут. При таможенном осмотре нарушений российских таможенных правил не выявлено. Поручик Ковалёв.

Обедали они за столиком летнего кафе.

– Ты так любишь сладости?

Софья, открывая баночку монпасье, подняла глаза.

– Очень, особенно парижские!

Среди зеленых, красных и желтых леденцов лежали туго скрученные рулончики бумаги.

– Но это позже, к вечернему чаю.

– Не забудь, Сонечка, что тебе сегодня в салон к Изольде. Забрать своё платье. А я домой. Через час придёт Катерина, она убирает у меня дважды в неделю. Прикажу ей помыть и окна. Если хочешь, погуляй, развейся. С твоей молодостью – это же ежедневный праздник!

Герань и Зоркий

От модистки она вышла в самом прекрасном расположении духа. Изумительно пошитое летнее платье из тонкой волнистой ткани было просто потрясающим. Идя вдоль гранитного парапета над Фонтанкой, с коробкой перевязанной белой лентой, светила от переполненных чувств женского счастья.

Впереди, возле подъёма на мост, стоял молодой круглоголовый мужчина в светлом элегантном костюме и обмахивался шляпой. Подойдя ближе, заметила в его руке букет прелестных незабудок. Повернувшись на звук шагов, он мгновенно надел шляпу. Расправил поля.

– Простите! Издали я принял вас за свою барышню!

Она уже хотела пройти мимо, но остановилась, услышав.

– Вы не можете сказать, почему она не пришла?

Что-то кольнуло в самой глубине груди, полузабытое и щемящее. Взглянула на него.

– Наверное, лучше узнать это у вашей избранницы.

– Да, конечно, извините.

И опустил глаза. Широкоплеч, узок в поясе. Она улыбнулась.

– Давно ждёте?

Взглянул на часы, оттянув манжет. Матово блеснула запонка.

– Полтора часа!

Весело рассмеялась. С тёплой ноткой в голосе.

– Вы сумасшедший!

– Любовь всегда добавляет в жизнь долю сумасшествия. Не так ли?

Синие глаза. Лёгкий загар. Чисто выбрит.

– Подарок жениха?

Движением глаз указал на коробку.

– Ну что вы! Моё новое платье, пошитое на заказ.

Лицо ее засветилось, что-то русское с итальянским, лучезарная смуглая нежность.

– Можно взглянуть?

Он определённо нравился ей непринуждённостью беседы.

– Прямо здесь?

Она опять улыбнулась, удивляясь себе, этой случайной встрече, своему странному поведению.

– Думаю, что здесь нам помешают.

Улыбка добрая, открытая. Чуть приподнял шляпу.

– Сергей!

Она протянула руку. Почувствовала сильные, чувственные пальцы.

– Софья!

– Давайте я провожу вас, и подожду, когда вы переоденетесь. Впрочем, не смею настаивать.

И она, взволновавшись неизведанным ощущением продолжения праздника, кивнула.

– Идёмте!

Шагнув поближе, заглянул в глаза.

– Вы разрешите?

Он взял коробку с платьем, и протянул ей букет.

– Вот так будет справедливо.

Говорил в основном он. Рассказывал историю Петербурга. Легко читал из памяти строки Пушкина, Блока. О полярной экспедиции Колчака, о туманных проливах. Она, уловив его эрудированность в морской тематике.

– Хотите, угадаю кто вы?

– Был бы польщён!

– Флотский офицер!

– Блестяще! Может, назовете и наш корабль? Тсс!

Он огляделся вокруг и приложил палец к губам.

– Об этом никто не должен знать! Только что спущенный на воду крейсер не любит лишнего шума и чужих глаз.

Она, почувствовав, как удача сама стремится к ней в руки, усилием воли сдержав любопытство, ловко перевела разговор.

– Корабли, крейсера, все эти тайны – удел мужчин. А моя мечта – побывать в знаменитом Морском собрании. Слышала, что там даются роскошные балы!

– Я готов заполнить этот пробел! При первой возможности – приглашение за мной!

Уверяю вас, что на наших северных просторах оркестр Балтийского флота один их лучших.

Возле подъезда поцеловал руку.

– Когда я вас увижу в новом платье? Назовите время! Извините! Я упустил самое существенное! Вы очень красивы! Мажорно красивы!

Протянул ей коробку. «Что же делать с тобой? А может, стоит попробовать? Морское собрание увеличивает шансы на успех. Посоветоваться с Бёрхардом! Потеряем время».

Улыбнулась ласково.

– Приходите вечером, в семь!

Он вспыхнул лицом.

– Слушаюсь! И козырнул, прикоснувшись к шляпе.

Через 40 минут он входил в кабинет Ваганова.

Телефонограмма. Срочно! Москва. В Управление контрразведки. 30 июня 1914 год.

Для капитана Слоним

Сегодня, 30 июня, в 13 часов 24 минуты состоялся непосредственный контакт с «Геранью». Характеристика: высоко организована, прекрасная выдержка, пытливый ум, умение просчитывать ситуации, владеет свободой общения. Весьма перспективна для дальнейшей работы. «Зоркий».

Константин, бегло прочел текст.

– Абордаж с древних времен является самым эффективным способом разрешения конфликтов. Где и когда бы ты добыл столько информации! Силён! Какая нужна помощь с нашей стороны?

– Немного! Обрати меня на время в офицера флота! Но таким образом, чтобы плавсостав в Морском собрании не воспринимал меня как турка. Подумай об этом, Константин. А я сегодня вечером пойду развивать наступление. Он глянул на часы. Не желаете пообедать в моём обществе, сударь?

– Да, пойдём действительно, пообедаем!

Сидя за столом ресторана, разрезая ножом сочный антрекот, он неожиданно сказал.

– А ты знаешь, девочка оказалась умнее, чем предполагал Бёрхард. Она быстро сообразила, что может обойтись без Лесневской. Тут ты всё точно рассчитал, Сергей! Кстати это единственная ошибка, которую она допустила. Видимо сжатые сроки толкнули «Герань» в этом направлении. И ещё. Не расставайся с револьвером. Особенно в вечернее время. В городе орудуют шайки. Есть подозрения, что их наводят. Рисуй знаки под ковриками у входа в квартиру. Полиция прилагает усилия, но пока безрезультатно. Вот так, брат.

Лесневская

– Кто там?

– Это я, Ильза Эриховна!

– Здравствуй Катерина, заходи! Заждалась тебя. Сегодня предстоит нелёгкая работа. Прошу, отмой все окна, а затем уборка, как обычно. На оплату не поспею! Начни с кабинета, я хочу поиграть на рояле сегодня.

Пройдя в столовую, накапала валерьянку в воду, выпила. Голова раскалывалась. То ли от встречи в Летнем саду, то ли растревожила себя воспоминаниями об ушедшей жизни, вспомнив последний отъезд Виктора после краткого отпуска. Вместе с ним в Порт-Артур уезжали мичманы для службы в 1-ой Тихоокеанской эскадре адмирала Старка. Заснеженный перрон. Духовой оркестр. Чёрные морские шинели с позолотой пуговиц. Его дыхание в ухо над серебристым мехом ворота. Горячие руки. Белые снежинки на погонах. Когда поезд укрыла дымная пелена, растаял стук колес, она ещё долго стояла на том же месте, где рассталась с мужем, пока к ней не подошёл полицейский и вежливо сказал.

– Пройдите сударыня в зал, холодно.

Через неделю почтальон доставил письмо. Постскриптумом – «Видел отвратительный сон. Молись за меня, любимая, как я за тебя». Минуло полгода. Три офицера, войдя в её квартиру, нерешительно остановились у порога.

– Да, проходите, прошу вас!

И осеклась. Они стояли без головных уборов. Когда они ушли, разложила на столе; кортик, часы, награды и запечатанный конверт с домашним адресом, написанным его рукой. В гостиной все также били часы. И она разрыдалась. Письмо так и осталось непрочитанным.

– Пожалуйста в кабинет, госпожа!

Катерина, в подоткнутом жёлтом сарафане, стояла в дверях. На конопатом лице бесновались рыжие глаза.

– Да, да, иду. Отдышусь только.

Вздохнув, прошла в кабинет. На окне застыли мутные разводы.

– Катерина! Да что же это такое?

– Слушаю вас!

– Посмотри на окно! Разве его можно назвать чистым? Сейчас же промой! Если я плачу тебе, изволь выполнять работу!

И увидела, как служанка молча расправила подол, повернулась и пошла к выходу. Хлопнула дверь. Минуту она стояла в оцепенении. Затем надела на себя фартук и принялась за работу. Раздернув портьеру и распахнув рамы, взялась тщательно мыть стекла. Занятие отвлекало от грустных мыслей. Свежий воздух с улицы действовал успокаивающе. Перешла к следующему окну. В тени под аркой заметила двоих. Высокий, худой мужчина и Катерина, рыжие волосы спрятаны под белым платком, завязанном на затылке. «Вот, чертовка! Ну, ничего, мы и сами с усами». Через полтора часа она уже заканчивала. Оставалось протереть пол прихожей.

Зазвенел колокольчик.

– Сонечка! Заходи, милочка! Я тут сегодня сама управляюсь, у служанок забастовка. Кажется, это так называется.

– Ильза Эриховна! Дайте мне, отдохните.

Она подала ей коробку, и, не затворяя дверь, умело вымыла до порога.

Сдвинула коврик за дверь на лестничной площадке, чтобы протереть влажной тряпкой.

– Что это?!

– Что ты там нашла, Сонечка?

– Ильза Эриховна! Идите сюда!

Под дверь, в левом углу, в пыльном прямоугольном отпечатке красовался ромб, начерченный черным грифелем.

Из полицейских сводок Министерства Внутренних Дел. Петербург, год 1914.

Из показаний осведомителей, поступающих из различных участков города, следует, что шайки грабителей подчиняются общему руководству. Отмечены факты предупреждения преступников о полицейской засаде.

Сегодня, 30 июня, в 18 часов 25 минут в доме ювелира Рыжова П. Я. по Аптекарской улице при аресте налётчиков был застрелен Канин И. Ф. полицейский из 12 окружного полицейского участка. Среди доставленных в участок преступников Лаврин К. М. рожд. 1893 г. д. Кулич, Орловской губ. и Гуровский А. Г. рожд. 1891 г. д. Монастыри Пермской губ. – рабочие Обуховского завода, являются членами РСДРП.

Герань и Зоркий

За десять минут до назначенной встречи он стоял на Гороховой, недалеко от подъезда. Софья вышла ровно в 7. Он зажмурился, выглядела она выше всяких похвал. Чёрные волосы и туфельки, нежно-сиреневое платье с белым воротом и такого же цвета рюшками на рукавах, груди и подоле. Перехвачена по талии чёрным узким пояском. Словно статуэтка из фарфора.

– Я восхищён! Вы самое лучшее украшение этого вечера. Разрешите быть вашим лоцманом.

– А что видит лоцман?

Она не сдержала улыбки.

– Прямо по курсу – Английская набережная! Прогулка и ужин. Поспешим насладиться незыблемой почвой под ногами. Мы на днях выходим в море. Ставить минные заграждения. Снова вахты, качка, свинцовая водная гладь и пустынные острова, задёрнутые дымкой.

– Надолго?

– Если погода соблаговолит нам, то за четверо суток управимся.

– Это, вероятно опасно?

– Вы о минировании? Есть определённая доля риска.

Он осторожно, но властно взял её под руку. Заметив лёгкую тень на лице, спросил.

– Что-то случилось?

– Да, но не хочу сейчас говорить о неприятностях. Расскажите о чёмнибудь.

Он улыбнулся и, развернув её к себе, сказал.

– Сейчас на вашем лице было что-то детское. Беспомощность и неопределённость с оттенком страха.

И я вспомнил себя в 11 лет. Однажды летом отец попросил меня сходить на станцию встретить мать. Посёлок, где мы жили в те дни, стоял на берегу реки. Дорога вела через густой обширный лес, подковой огибающий дачные домики. Я неспешно миновал две версты, вышел на станционную платформу. Наконец прибыл поезд. Я глядел во все глаза. Мамы среди вышедших пассажиров, не оказалось. За время моего ожидания стемнело, начал накрапывать дождь. И я вдруг понял всю отчаянность своего положения. Мой расчет, что через вечерний лес мы пройдем вдвоём, не оправдался. Пока я раздумывал, что предпринять, сумрак уплотнился, сжимая моё сердце надвинувшимся ужасом. Необходимо было возвращаться, отец мог начать беспокоиться из-за долгого моего отсутствия. Но я не находил в себе мужества шагнуть в лесную темень. И тут я вспомнил одну удивительную историю рассказанную мне отцом.

В апреле 1689 года 24-пушечный французский корабль «Серпан» был атакован голландцами у берегов Франции. Завязался бой, тем более неприятный, что «Серпан» был гружён бочками с порохом и мог взлететь на воздух в любой момент. Двенадцатилетний юнга, находившийся на корабле, в ужасе пытался спрятаться за мачтой, и капитан, заметив это, приказал его к мачте привязать. «Кто не умеет смотреть в глаза смерти, – сказал капитан, – недостойн жизни». Капитана звали Жан Бар, это был знаменитый французский корсар, а двенадцатилетнего юнгу звали Франсуа-Корниль Бар, и это был его сын, впоследствии ставший вице-адмиралом французского флота.

Идя по сырой дороге, оскальзываясь, почти в полной темноте, я шёл и повторял про себя – «тот не достоин жизни, тот не достоин жизни». Путь мой казался бесконечным. Я вздрогнул, услышав тихое ржание лошади, потом различил скрип колес. Блеснул фонарь. Услышал спокойный голос отца.

– Вот и он! Мой сын!

Обнял меня, потом заглянул в глаза.

– Ну, как ты?

И я признался.

– Мне было очень страшно, папа.

И он принялся вытирать носовым платком моё мокрое лицо и капли дождя показались мне чуть солоноватыми.

– Именно поэтому вы стали моряком?

– И поэтому – тоже. В 1904 году при атаке японцев на русские военные корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура погиб отец моего друга. А чуть позже и мой. Судьба флота это судьба России, Софья. Петр сообразил это в раннем возрасте. Кстати мы пришли! Пройдёмся по набережной.

– Немного прохладно.

Он на мгновенье замешкался, перекладывая что-то по карманам, снял пиджак и накинул на её плечи.

– А вы знаете, что первое название она получила в начале 18 века – Береговая нижняя набережная. Затем переименована в Исакиевскую. Затем Галерная и вот – Английская!

– А где же находится ваше таинственное Морское собрание?

– О! Тайна сия, с благословения императора, прячется у Поцелуева моста, на втором этаже Крюковских казарм.

Через час они усаживались за стол в ресторане на Невском. Мягкий свет. Вечерние платья и мундиры. Звуки рояли и скрипки. Нежная позолота потолка и стен.

– Здесь прекрасный повар! Готовит на «бис».

Тыльной стороной ладони пригладил поля шляпы и положил её на соседний стул.

– Вы сегодня немногословны.

– Что-то меня тревожит!

Коснулась пальцами прикрытых глаз.

– Вероятно, есть причины? Расскажите!

И она, разрывая собственный плен, потянувшись к нему, поведала о своей находке у порога квартиры. Секунды две он не сводил с неё глаз. Резко поднялся, надел шляпу.

– Ждите меня здесь! Я скоро! Проследите, пожалуйста, за сервировкой нашего стола. Вечер обещает быть долгим.

И быстрым твёрдым шагом пошел через зал к выходу.

Зоркий

На улице скучали извозчики. Отчаянно свистнув, взмахнул рукой. Выбрал сильную гнедую лошадь. Посыпалась дробь копыт.

– На Гороховую!

Прыгнул на ходу. Вынул револьвер, крутанул барабан. Все шесть патронов подмигнули ему жёлтым блеском.

– Ах, Софья, Софья! Что ж ты не решила сразу сказать обо всём. Только бы не поздно! Остановил пролётку, не доезжая поворота к дому.

– Постой братец здесь! Подожди меня!

Тенью пробежал со стороны двора, через арку. Прислушался. Пригнувшись, добрался до окна. За портьерами темно. Шаги? Что-то скрипнуло, словно споткнулся неизвестный об стул.

Налётчики? А где же хозяйка? Развернувшись метнулся в дворницкую. Стукнул трижды.

– Спишь? Бегом до городского! Поднимай всех! Воры в доме!

Дворник бросился в переулок. Стрелки часов на руке показывали 21:06. Осторожно двинулся к подъезду. Мимо уже знакомого выступа из камня. Выглянул. Никого.

Неслышно ступая, приотворил дверь. В глубине, возле входа в квартиру, облокотившись на перила, стояла рыжеволосая простушка. Лузгала семечки. Он глянул на часы – 21:09. «Где же они, господа полицейские?» Взял курок револьвера. Вошёл, она повернула голову и, увидев черный кружок ствола – онемела. Он приложил палец к губам.

– Тсс!

Крепко взяв её за локоть, вывел на улицу. Увидел двух полицейских, придерживающих пашки на бегу. С другой стороны спешил городской.

– Поручик Павлов. Контрразведка.

Показал овальный именной жетон.

– Они внутри! Сколько их, неизвестно! Двое во двор, к окнам! Эту бестию запереть в дворницкой! Один со мной!

Дверь легко подалась. Вошёл первым, городской за ним.

– Концерт окончен! Оружие на пол! Иначе стреляем! Зазвенели стекла, послышалась ругань, звуки борьбы. И сразу же ударил выстрел. Пуля пропела возле щеки, он присел и выстрелил на звук, и ещё раз. Увидел в сумерках обвисшую через кресло долговязую фигуру налётчика. Второй в смертельном ужасе стоял, прижавшись к стене, губы его тряслись.

Подождал ближе, убирая револьвер в карман.

– Что? Страшно стало?

За окном вязали еще одного. «Не достоин жизни, не достоин жизни»... крутилось в голове.

Заглянул в столовую, спальню, осмотрел гостиную и, открыв белую дверь кабинета, увидел за роялем, под портретом красивого мужчины в парадном мундире, госпожу Лесневскую. Так лежат сильно уставшие люди. Раскинув руки в стороны. Склонив голову на бок. «Отдышусь и встану, сейчас». Платье на плече и груди в запекшейся крови. Он наклонился и прикрыл ей ладонью веки.

Опустил крышку рояля.

Из полицейских сводок Министерства Внутренних Дел. Петербург, год 1914.

Вчера, 30 июня, в 21 час 14 минут на ул. Гороховой в доме 8 была обнаружена убитая хозяйка квартиры Лесневская И. Э. На месте преступления силами полиции задержаны Пря-

хин Г. Б. рожд. 1896 г. г. СПб и Чирканов С. Я. рожд 1881 г. Витебск. При оказании сопротивления застрелен на месте Лутовинов П. Д. рожд. 1879 г. СПб.

Горшкова Е. Ф. рожд. 1890г. СПб застрелена при попытке скрыться от задержания.

Оперативные данные последних суток позволили обезвредить созданное для целей общего руководства грабежами боевое ядро Петербургского РСДРП. Данишевский К. Ю. он же Герман рожд 1884 г. Курляндская губ., Лацис М. Я. он же Судрабс родж 1888 г. Лифляндская губ., Христофоров А. А. он же Лигарь рожд. 1874 г. Лифляндская губ., Литвин Н. О. он же Курепс рожд 1883 г. Вильно., скрылись. Приняты меры по их розыску.

Он подойдя к окну, выходящему во двор, подозвал дворника.

– Заколоти разбитую раму! Вот тебе деньги! А то ненароком коты заберутся в квартиру.

И подай мне ключ, я запру, когда все закончится.

– Сделаю, вашбродь!

Прибыл пристав, следователь, осматривали и записывали. Затем санитары вынесли тело Лесневской. Осмотрев ещё раз окна, запер квартиру. Извозчик ожидал на том же месте.

– Поехали, братец! Проголодался я основательно.

В ресторанном зале по-праздничному шумно, ярко, говор и смех. Томный голос певицы с полутемной круглой эстрады. На светло-зелёной скатерти красовались тарелки с салатом, нарезанным сыром, фруктами, меж двух высоких бокалов замерла в ожидании рубиновая бутылка вина. Поставив локти на краешек стола, и не сводя с него чёрных глаз на бледном лице, будто предчувствуя нечто ужасное, сидела Софья.

– Извини за задержку! Пойду, приведу себя в порядок!

Вернулся через пять минут, неторопливо подвинул к себе тарелку, разлил вино по бокалам.

Взглянув прямо в глаза, ничего не сказав, положил перед нею ключ. Она выпрямилась на стуле, уронив руки на колени. С минуту они сидели молча.

– Софья! Вы умная, проницательная и красивая молодая женщина! Вы прекрасно понимаете, что партия, предложенная Бёрхардом, провалилась. Только не вините себя в произошедшем сегодня на Гороховой. Это просто совпадение случайных чисел, такое бывает в нашей профессии.

Она спокойно, не меняя выражение лица, слушала.

– Я готов предложить вам более захватывающую игру. Мы с вами попросту обманем Бёрхарда! Ведь вам хотелось когда-нибудь сделать это. Поставляемая информация не будет ложной по определению. Мы просто переставим знаки ударений на важнейших географических и временных данных. Проверить достоверность будет практически невозможно. Техника прогрессирует, то, что было важным месяц назад, завтра становится неинтересным.

Софья сидела не шелохнувшись. А он, пригубив из бокала вино, принялся есть, ловко орудуя ножом и вилкой.

– Выходит, что обещанный вами бал отменяется?

Улыбнувшись, и качнув головой вправо-влево.

– Мы его только начинаем! Вы какую музыку предпочитаете?

Телефонограмма. Срочно! Москва. В Управление контрразведки. 1 июля 1914 год.

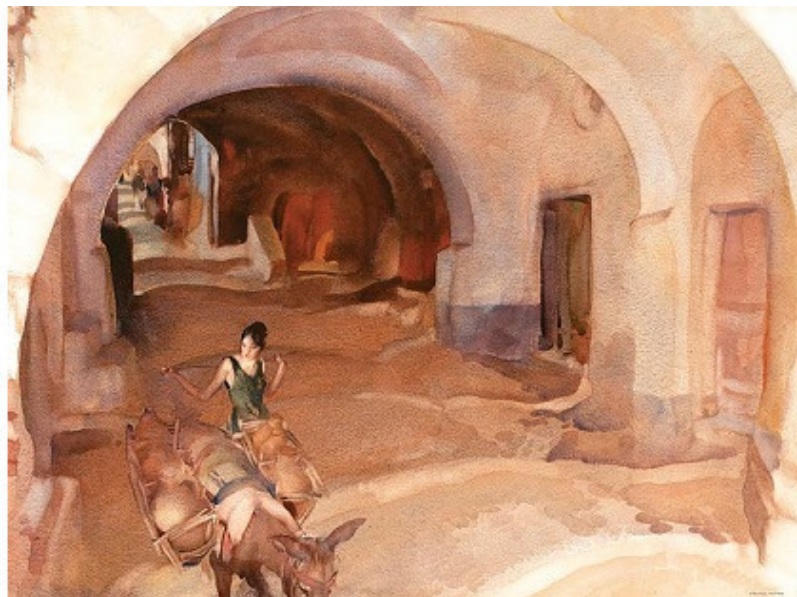
Для капитана Слоним

Настоящим сообщая, что вариант G реализован в полном объёме. Приступаем к подготовке информации для передачи дирижёру. «Зоркий»

Из сводок боевых действий на Балтике. 1914 год.

16 августа немецкие силы предприняли попытку прорваться через Ирбенский пролив. В течение дня немцам удалось протралить пролив от русских мин, хотя они потеряли тральщик Т-46. Эскадренный броненосец «Слава» была вынуждена отойти после боя с немецкими линкорами «Нассау» и «Позен». В ночь на 17 августа германские эсминцы «V-99» and «V-100» проникли в Рижский залив. В бою с русским эминцем Новик V-99 был повреждён, а затем подорвался на минах и был затоплен экипажем. Днём 17 августа «Слава» снова вступила в бой с линкорами «Нассау» и «Позен», получила три попадания и отошла к Моонзунду. 19 августа подорвался на минах и затонул немецкий эсминец «S-31», а британская подлодка E-1 торпедировала немецкий крейсер «Мольтке». После этого германские силы ушли из Рижского залива.

Энигма

Мастерская Ирины Овсянниковой

Жар и древность. И гулкость аркады,
опьяняет кофейным оттенком.
Вся пронизана светом, и легким
Морским сквозняком.
Легкий шаг – перестук каблучков!
Опрокинув мой утренний сон
– освежившись водою холодной
– поспешу я навстречу тебе!
Любоваться движениям бедер и глаз.
И ладоней почувствовать негу,
с ароматом горячего тела.
И услышать дыхание вечности
– тает эхо веков в бесконечности.
А в кувшинах вино золотое, и масло
оливы. И твой голос, и смех,
взволновавший меня – белопенный
прибой в каменистом заливе.

Инфанта

– В 14 лет она уже не могла наблюдать без боли бой быков с гибкими людьми в кроваво-изящных плащах.

Ненавидела ложь.

Читая молитву – видела мечту.

По утрам, пробегая в свежем чистом воздухе просыпающихся садовых аллей, ловила улыбкой встающее солнце. И обжигал холодом ключ в руке.

Им она открывала в тени нависших ветвей кованую калитку, такую тяжелую, что приходилось налечь всем телом – и сразу открывалось море, небо, и узоры каменных замков на холмах.

Вдали, в глубокой синеве, жутко и маняще дышало и поднималось аквамаминоное безумие. Замирали легкие невесомые облака.

Протянув руки к лучам, видела в просвете животрепещущую жизнь, таинственный ток своей крови.

Об этом поведал мне пастух, с вырезанным из солнечного диска лицом, темноволосый, кучерявый, широкогрудый, в мягкой опрятной одежде и крепких башмаках.

Нож леппа на поясе – длинное обоюдоострое лезвие и выгнутая, темная полировкой рукоять. Долгая узловатая трость в руке.

*Ступивший на росистую лужайку с полотен *Караваджо*.*

На обуви золотилась цветочная пыль.

Присев на камень, вынул кисет, набил трубку, разжег её, оглядывая горы молодыми итальянскими глазами, остановив свой взор на туманной долине – над нею, вздыхало море, вскипало утренним солнцем, нестерпимо горячим, что бывает только здесь, на испанском юге, в разгар средиземноморского лета.

– Как имя этой девочки?

Спросил я, загораясь любопытством.

– Не помню, да и не важно.

Инфанта.

Детство Шахразады

Мастерская Ирины Овсянниковой

Тебе сегодня шесть исполнилось иль семь.
Так жарок полдень, от камней прохлада.
Огромный мир. Неведомый совсем.
Вот замерла, не поднимая взгляда.
О чем-то мать беседует с торговцем.
Сейчас бы рассмеяться, да нельзя.
И жалко ослика стоящего под солнцем,
черны его сливово – влажные глаза.

Лет через десять, древние ступени
услышат легкий торопливый шаг.
Закутанная в ткань. Глаз, огненные тени.
Тысяче первой ночи теплый полумрак...

Свидание

Живопись Ирины Овсянниковой

Он так и не смог понять, что внезапно разбудило его. То ли пронзительный крик чайки, то ли скрип оконных ставен – в узости домов вдоль канала – отметив взглядом на часах «02—15» – самое глухое время ночи – подошел к высокому окну.

Лунный блеск дрожал на черной воде и живописно синеющих, неопрятных стенах. Двумя этажами ниже, напротив, светилося пятно с отражением на воде, и женский силуэт, в одиноко высвеченном теплом прямоугольнике, мелькнул и исчез, свет погас, и на потемневшие стекла будто лег голубой иней.

Запахи воды и крыш, прогретых за день, торопились затопить комнату, и он настежь распахнул шероховатые древние рамы.

Поняв, что теперь не уснуть, прошел через арку в тесную, уютную кухню, обставленную старинной инкрустированной, с бронзовыми гербами, тяжелой мебелью.

За окном неподвижно темнел пышный и страшный сад под фиолетовым небом.

Включив кофеварку, еще раз прочел смс на мобильнике – «24 в 18—40 на площади, на том же месте».

Оставалось два дня, каждый из них – дробились мысли – станет долгим и мучительным ожиданием встречи с нею в этом странном и загадочном городе.

Налив кофе в чашку, бросив туда две ложки сливок, он долго смотрел на белую звезду, кружащуюся в середине шоколадной жидкости и, спохватившись, размешал ее серебряной ложечкой, нарушив ночную тишину звенящей мелодией одиночества.

Три года назад... впрочем, три года будет в июле.

В то утро, когда он вышел на улицу и вдыхая утреннюю свежесть, любясь стелющимся под ногами молочным туманом, когда мокро сверкали и перетекали в сырости стены домов, когда покрытая бархатом зелень, потянувшись вверх – обнимая окна – шурша и весело переговаривалась с блеском воды в каналах – он услышал ее голос.

Обернувшись, увидел в розовой дымке долговязую фигуру гондольера, качающийся траурно-полированный высокий нос гондолы, и легкую женскую тень, окликнувшую его. Она стояла вполоборота, и он успел разглядеть в разрывах тумана трогательную нерешительность, силуэт, облаченный в невесомое, прозрачное, как наваждение над влажным парпетом лестницы.

Жарко вспыхнула медь ограждений, сверкнули стекла витрин – улыбка утреннего солнца – так свершилась их встреча.

Сидя рядом, чувствуя тепло ее бедра, он рассказывал ей о Венеции, она впервые приехала сюда. С мужем, но ему не до нее, все время занят, возвращается поздно, спит до обеда и опять уезжает по делам. В тени моста он решается рассмотреть ее лицо, на нежной щеке маленькая родинка, ресницы длинные и пушистые, чуть припухлые губы.

Сидит прямо, колени плотно сомкнуты и волнуют близостью. Толчок вправо – гондола ныряет в узкий серебристый канал – она прижимается, ища опору, и он перехватывает ее ладонь. Пальцы теплы и невесомы, что ему становится не по себе от прикосновения к ним.

За следующим поворотом они оказываются в жарком солнечном круге, здесь канал широк, заполнен снующими гондолами, горячими сливочными всплесками на воде и прохладными зелеными тенями под высокими бортами. Бегущая серебристая рябь, гортанные возгласы

гондольеров, их плавные движения веслами – в слепящем нежном зное венецианского утра. Здания справа и слева – белы до боли в глазах.

Она прикрывает ресницы, вытягивает ноги, выпрямляя их в коленях, и он видит узкую маленькую ступню, охваченную белой паутиной тонких ремешков.

Неуловимое движение – так срывается в полет бабочка, испугавшись набежавшей тени – и волосы рассыпаются по плечам, она поворачивается, в радостном их зеленом блеске отражаются набережная, окна домов, налипание летнего праздного людского движения.

– Давайте завтракать!

Она глазами указывает на аккуратно расставленные столики возле горбатого тяжелокаменного моста. Каждый прикрыт от солнца конусным куполом с кистями.

Круглые столетние столы – под белоснежными скатертями в окружении черных венских стульев. Они совсем пусты в тени здания с красной черепицей на кровле.

От подоконников второго этажа ниспадают глицинии – сиренево-синий туман – касаются маркизы над окнами первого, и все еще изредка вздрагивают от ночной прохлады и росы, стекающей с листа на лист.

Мостовая набережной парит, дрожит жарким маревом. Запахи кофе, свежей выпечки, фруктов, смешиваются с запахами воды, крепкого табака, нагревающихся камней. Сев за столом напротив друг друга – замирают на секунду.

– *Не жалеете, что согласились сопроводить меня на прогулке?*

– *Вовсе нет! Начинаю сожалеть, что этого могло не случиться.*

Она протягивает ладонь в сторону мокрой листвы и на ней звонко разбивается хрустальная капля. Дивное летнее утро, изящество руки с теплым матовым оттенком, ее грудной смех – все это вливается в него ярким напитком, словно горячий мед. Завтракали долго, испытывая блаженство, сыр, зелень, устрицы, и наконец – то раскаленный черный кофе в маленьких чашках с мелкими крапинками позолоты, сгущающихся к верхнему краю в полоску.

До груди она скрыта тенью, но горячо глядят глаза, горяч и румянец на щеках, с присущей женской восхитительной ловкостью она вынимает из сумочки необходимое, и в три приема, стремительно, возвращает себе утреннюю свежесть губ.

Быстро взглядывая в маленькое зеркало, спрашивает.

– *Вам, правда, непременно надо ехать сегодня?*

– *Да! Меня ждут, я не могу подводить партнеров. Хотите взглянуть на площадь Сан-Марко? Нам обязательно нужно побывать там. Согласны?*

– *Конечно! Пойдемте пешком! Вы проводите меня!*

Она легко встает из-за стола, протягивает руку, и они выходят под синюю глубину неба с пухлыми дождевыми облаками, закрывшими солнечный диск. Вдвоем пересекают улицу и входят через низкую арку в прохладу узкого тенистого переулочка, и за этим тайным поворотом, их будто настигает сладкое пробуждение – не видя и не слыша уже ничего – начинают целоваться, истово, давая передохнуть друг другу, и вновь и вновь соединяя губы.

Он увидел потемневшие глаза, она отстранилась, прижав ладони к пылающим щекам.

– *Идемте же!*

И, испытывая легкое головокружение, он повел ее неисчислимыми тесными улочками, среди помрачневших домов с обветшалыми резными балконами, вдоль заглухших в зелени

вековых стен, через вросшие в берега первобытные мосты над зеленой водой каналов, небо уже темнело, в сухом воздухе клубилось предгрозовое ожидание – мешаясь с резким запахом цветов и тысячелетней пыли – рокочущий гул, обволакивал их, догонял, он навсегда запомнил волнуящее движение ее плеч при дальнем ударе грома, и когда они ступили на площадь – хлынул дождь.

Через взрывающуюся дробь дождевых капель они добежали до ближайшей арки Дворца Дожей, он обнял ее и начал губами снимать с лица дождевики, слыша дыхание и стук ее сердца под тонкую влажную ткань. Она торопливо поправляла подол своего намоченного платья, облепившего стан и бедра, улыбалась и горячо шептала ему в лицо.

– Я сегодня испытала самое лучшее, что могла представить, будто во сне, только твое присутствие рядом, теплый этот дождь, простор старинной промытой площади говорит мне, что это наяву! Так жалко... но теперь мне надо в гостиницу, не могу же я ходить в таком виде.

– Я вызову такси! И пожалуйста, запомни, это наше место!

Он набрал номер вызова, сообщил, куда необходимо подъехать. И оба, мгновенно охватываясь ощущением тающего времени, волнуясь неожиданным расставанием, перебивая друг друга скорой речью, держась за руки, запоминая запах, глаза, ловя дыхание, в пугливом ожидании, что вот сейчас... вот – вот... и вздрогнули при звуке телефонного сигнала.

Уже усадив ее, и поцеловав руку, он словно опомнившись, вынул из кармана визитку и успел вложить в прохладные пальцы до того, как машина сорвалась с места.

В полночь он уже был в Москве.

Придя за полчаса до назначенного времени, терпеливо ждал, глядя на голубей, на сумеречное небо, на зажигающиеся фонари. Прошло еще два часа. Он медленно побрел в сторону набережной канала, вдыхая весенний – напоенный запахами незнакомых цветений – воздух, плавающий душистыми волнами.

Смотрел на привязанные к шестам гондолы, на столики уличных кафе – заполненные вечерним гулом посетителей.

Почувствовав, как его заполняет вселенская пустота, сбежал по трехступенчатой лестнице к самой воде – место, где они сошли на берег в тот сумасшедший день – и опустил на сверкающую зыбь, сложенный лист бумаги. Долго ждал, когда он, намочив, исчезнет в темно-зеленой глубине.

*Усталый гондольер!
Свези меня на площадь
Сан Марко, в прошлое...
Она – там ждет, волнуясь
и кутаясь в свой плащ.
В вечернем блеске улиц —
вези меня скорей,
и цену мне назначь, я тут же
по забуду, и этот страшный
путь, средь холода камней,
теней мостов, и перекрестков зыбких,
лишь только я губами припаду*

к ее озябшей и чарующей улыбке.

*Мы станем в поздний час
бродить под облаками,
немыслимой Венеции;
среди уличных кафе
ночного плеска волн,
в плену вина, цветов,
и ярко-пряных специй,
и на ветру я буду целовать ее
глаза – с упрямою мольбою.
– Нет, нет, не уходи! Мне так легко
с тобою, и сладко – близко быть,
и слушать голос твой, и отзвуки
шагов над дымной мостовой. И со щеки
прохладной – не спеша – губами
снять дождевку не дыша...*

Невозвратное

*Там нет меня, где на песке, не пролегли твои следы. Где птица
белая в тоске, кричит у пенистой воды...*

Павел Жагун

И еще двадцать лет прошло...

И приехав на излете лета в умирающий город, город своего детства, школьных переживаний и первой влюбленности, став уже богатым и успешным, с удивлением – совершенно забытым им чувством – увидел, что здесь все осталось по-прежнему.

И вокзал, и огромные пыльные тополя, и пруд, заросший по берегам камышом, и даже улицы, вымощенные булыжником, поприветствовали его отблесками утреннего солнца как тысячи лет назад, когда он переходил мостовую, держась за руки родителей, ступая маленькими ногами, обутыми в сандалии, на каждый ее булыжник, казавшийся невероятно огромным при своей гладкой – черное с синим – поверхности.

В маленькой гостинице, в ее коридоре и открытых комнатах гулял свежий ласковый ветер, было чисто, и так тихо, что был слышен шелест листвы, позвякивание посуды в доме напротив, и ему показалось, что он очень долго спал после бесконечного летнего дня, насквозь пронизанного солнцем, после купания и радостного полета в бегущей стае мальчишек – и он среди них – от дальней реки, в счастливом безмятежном детстве, и вот внезапно – проснулся.

Заторопившись, оставив чемодан в номере, сбросив пиджак, он вышел на улицу и двинулся вверх по ней, напрямик на восходящее солнце, где дома и деревья по обеим сторонам, не успевая сомкнуться в перспективе, терялись за вершиною холма.

Все было узнаваемым, окна, кованые решетки оград, маленькие балконы, крутизна крыш и здание детского сада, куда впервые привела его мама. Он увидел его в глубине двора, окруженного тем же причудливым металлическим забором, где каждый вертикальный прочерк на фоне зелени заканчивался наверху наконечником копья. И это белеющее двухэтажное здание с круглыми колоннами, изящным длинным и узким балконом на фасаде, повлекло его вглубь воспоминаний; голоса и лица сверстников, сидящих за столом во время завтрака, зал, залитый солнечным светом, стоящее в углу блестящее черное пианино с поднятой крышкой, где загадочно и заманчиво отсвечивали его клавиши...

Но действительность не отпускала. Чертыхнувшись, он извлек мобильник, вызывающий о помощи. Звонила жена, с расспросами как доехал, где остановился, о самочувствии.

И он пожалел, что взял с собою телефон и приехал один, без нее.

А солнце начинало припекать, сняв галстук и накрутив его на левую ладонь, он расстегнул две верхних пуговицы сорочки и медленно пошел, поднимаясь по улице к своей маленькой загадочной планете, втянувшей в свою орбиту дом, где он родился, дворы, где рос, играл в футбол и дрался, школу, магазины и аптеку, кинотеатр и стадион, поразившие его в прошлой жизни своими большими размерами и объемом свободного пространства.

Сейчас все это выглядело уменьшенной, но правдоподобной копией, уводя в драгоценные памятные детали и мелочи прожитой здесь его жизни, с обидами и одиночеством раннего

детства, смятением и торопливостью молчаливой юности и короткими вспышками безнадежности.

Он, подчиняясь нахлынувшему неопознанному чувству, вдруг резко повернул направо – угадывая каждый следующий поворот – и скорым шагом направился к школе, увидел изда- лека высокие старые тополя, стены красного кирпича, с трехстворчатыми высокими окнами, крыльцо, выбитое миллионами ног до зеркального каменного блеска, маленькую – из-за уда- ленности – хрупкую фигурку девочки, стоящую на верхней его ступени, *ветер трепетал подол ее платья, она что-то крикнула, кажется его имя...* и он замер.

Стоя возле ворот, не дыша, он слушал свое сердце и все старался рассмотреть – сквозь косые падающие солнечные лучи и тени, повисшие в аллее – ее лицо, *только бы увидеть, узнать*, возвращая к себе робкую надежду на встречу.

Но видение исчезло, стало бесплотным, улетучилось.

И он, взойдя на ступени крыльца, будто вошел в прохладную родниковую воду. Затенен- ность и слабый ветер вернули утреннюю свежесть – откуда он долго, внимательно разглядывал выросшие деревья – они сажали их всем классом, кажется четвертым или пятым, теперь же каждое дерево было ростом равным им всем вместе, детям, что собрались в тот давний осен- ний день копать ямки, носить саженцы, утаптывать насыпанный грунт вокруг тонкого побега и поливать водой из большого жестяного ведра, настолько тяжелого, что приходилось нести его вдвоем.

Открыв дверь, прошел через школьное фойе, поднялся по лестнице на второй этаж – необъяснимо для самого себя – и остановился у третьего окна в коридоре, напротив входа в кабинет, где учился с седьмого по десятый классы, до самого выпуска. Не хватало смелости, воздуха, решимости распахнуть двери и взглянуть на пережитое еще раз, с высоты сегодняш- него дня.

Растерявшись от воспоминаний, стремительно направился к выходу, невольно отмечая взглядом ступени и перила, надеясь увидеть хоть какой-то намек на промельк своего поколе- ния, но ничего не увидел, время сгладило все.

С острым чувством потери, покидая здание школы, он вдруг услышал, как его оклик- нули. – *Вы кого то искали?*

И еще не повернувшись, он мгновенно узнал ее по голосу. И позже, приближаясь к ней с каждым шагом, глядя безотрывно на ее лицо, все находил и находил дорогие и милые черты незабытой любимой учительницы. Через несколько минут общих вопросов и ответов, ее вздо- хов и восклицаний – поцеловал трижды в щеки – заметив абсолютно седую голову, добавил.

– *А вы все такая же! Именно такой я вас и помню, Зоя Александровна.*

– *Сашенька, Сашенька... ты так и не научился лгать. Пойдем, я напою тебя чаем.*

И протянула ему руку.

В учительской стоял запах канцелярии, увядших цветов, столы завалены документами и классными журналами и он, войдя туда, поймал себя на мысли, что только это осталось в школе неизменным, и столы, и кожаные диваны и кресла, и в дальнем левом углу дверь с таб- личкою «*Директор школы*».

Она мучительно поддерживала беседу во время чаепития, а он безумно жалел ее, эту постаревшую, прекрасную и добрую женщину, подарившую для него необъятный мир литера- туры, языка, трепетного отношения к книгам.

Уже торопясь, стараясь избавить ее от своего присутствия, целуя ее руку, прощаясь, услышал.

– *Сашенька, а ты знаешь, она приезжала год назад...*

У него чуть сердце не разорвалось, это было так неожиданно, до этого ни слова не было ими произнесено, ни намека, даже взглядом.

– *И у меня есть номер телефона, по которому ты можешь позвонить ей.*

– *Зоя Александровна, милая вы моя! Как же так? Неужели вы ее видели? Как она?*

Он, будоража себя воспоминаниями, все никак не мог спросить главного, не находя соответствия прошлого с настоящим. А она вдруг заплакала, вынула носовой платок и, промокнув им глаза возле самой переносицы, улыбнулась сквозь слезы и попросила заходить, когда будет свободное время.

На улице плавился день, возвращаясь в гостиницу, крепко сжимая в кулаке сложенный листок с бегущим, скорым женским почерком, думая о счастливой случайности и возможности позвонить в любую минуту, услышать ее голос, дыхание, но не решался набрать вожаемый номер.

И уже вечером, после ужина, стоя на гостиничном балконе, глядя на солнце, погружающееся в пылающий от заката лес, испытывая юношеское возбуждение, мгновенным пробегом пальца выстроил одиннадцать одушевленных его воображением цифр, и нажал кнопку вызова.

– *Да!*

Оглохший и ослепший на краткий миг от знакомого до сердечной боли голоса, глотнув воздуха, произнес.

– *Здравствуй Вера!*

И тут же без паузы, она.

– *Здравствуй Саша, я знала, что ты позвонишь. Как ты?*

– *Все относительно. Желания идут чуточку впереди. У тебя-то как?*

Она задумалась на секунду, он представил ее глаза, ее губы, легко сжимающиеся при раздумье или волнении, и все-таки услышал, как она вздохнула.

– *У меня все хорошо. Только устала немного от работы.*

И она, прорываясь дорогими для него нотками в голосе, начала говорить о своей работе хирургом, об операциях и ночных вызовах, о бессонных ночах и изматывающих днях, и слушая ее, он вдруг понял, как всегда они были близки друг другу, что ей просто необходимо выговориться и терпеливо ждал, слушал и слушал совершенно неизменившийся мягкий тембр своей юности.

– *Вера! Ты можешь приехать? Я пробуду здесь три дня.*

– *Конечно, Саша. У меня столько накопилось отгулов, завтра же отпрошусь и непременно приеду. Ты слышишь? Ты встретишь меня?*

– *Я уже иду на вокзал! Приведу себя в порядок, оденусь и буду стоять на перроне до твоего приезда.*

И услышав в трубке её смех, горячее дыхание, вдруг загорелся нарастающим ожиданием любви, той самой, неуязвимой для времени и пространства.

– *До свидания Саша!*

– *До встречи Вера!*

Не веря в случившееся, все еще не выпуская из руки телефон, он спустился вниз, купил в буфете бутылку коньяка, шоколад, лимон, и, вернувшись в номер, налил себе в стакан и залпом выпил.

Невероятно! После стольких лет неведения, молчания, жгучих всплесков памяти и временного забывания – все возвращается. Или прожитая жизнь была только прологом? А любовь? Она дремала все это время или замирала на годы, чтобы воскреснуть от нечаянной встречи? Да, даже не встречи, а телефонного разговора, но настолько участливого и понятного для обоих, будто и не расставались никогда.

Глядя на засыпающую городскую улицу, на некошеную траву газонов, зажигающиеся старые фонари – их он тоже помнил всегда – он впервые в жизни подумал об одиночестве, этом божественном и уникальном подарке для всех влюбленных. А потом раздался телефонный звонок. Жена, обеспокоившись его молчанием, заинтересовалась, как он провел день, где был, с кем встречался. Он, старательно обходя острые углы заповедных тем, продолжительно и мягко успокаивал ее и, добившись женского вздоха облегчения, пожелав спокойной ночи, виртуально целуя ее за ушком, отключился.

И тут же набрал номер Веры, и через мгновение, увидев высвеченный цифровой ряд, сообразил, что разница во времени четыре часа, и она, вероятно, спит, а ему так не хотелось тревожить эту уставшую, далекую и бесконечно дорогую для него женщину, дал мобильнику отбой.

Было уже очень поздно, августовская ночь вливалась в раскрытое окно, шуршала шинами проезжающих редких автомобилей, в круге света, под фонарем дрожал кипящий рой мошек, предрекая завтра жаркий солнечный день, а он все стоял у окна и смотрел, стараясь увидеть себя – в тот незабываемый год, ярко и просто разделивший всю его жизнь на «до» и «после».

Но взглянуть в себя никак не получалось, сразу же рядом вставала она, Вера, и вот для этого не надо было никаких усилий.

Утром он с трудом дозвонился до жены – автомобиль, которым она управляла, постоянно проваливался меж ячеек сотовой связи, храня ее недоступность – и пожелав удачного дня, спросив о самочувствии, умолял беречь себя.

– Ты же знаешь, как я осторожно езжу!

И он ясно увидел милый овал лица, руки, лежащие на руле и чуть разведенные колени – быстрое и легкое движение ее ступней по педалям напоминало ему искусство пианиста и всегда изумляло.

– Я знаю только одно, у меня нет никого кроме тебя!

Ему безумно, невыносимо захотелось взять ее ладонь.

– Ты не знаешь главного, что я очень люблю тебя!

Последнее слово не дозвучало ее голосом, видимо автомобиль снова оказался вне зоны доступа, а он долго, с полчаса, сидел неподвижно, пытаясь признаться в допущенной им ошибке.

Будучи однолюбом, отдавая себя целиком только одной, возлюбленной и любимой женщине, с горечью осознал как дороги ему сейчас обе, таких поразительно разных и от этого еще более привлекательных.

Солнце уже стояло высоко, над дальним лесом висело и переливалось жаркое марево, он услышал топот детских ног, крики мальчишек, выглянул в окно и увидел бегущих детей, радостно кричащих, одетых в шорты, босых и загорелых. Меняясь местами в налипавшем загаре и выгоревших волос на головах, это движущийся муравейник, перемещаясь вниз по улице, захватил и его, и потащил за собою по течению вниз, через переулки, заглохшие черемухой и рябиной, мимо каких то старых построек с перекошенными заборами, и наконец, выплеснул на городской пруд, и уже погрузившись в воду, проплыв до определенной глубины, где температура воды меняется по горизонтали и вертикали от бьющих на дне родников, он лег на спину и долго лежал так с закрытыми глазами.

Сквозь прикрытые веки пробивались солнечные блики, искрами вспыхивая на ресницах, до его слуха доносились всплески, чей-то смех, возгласы мальчишек и визг девчонок на купальне и вдруг гулко и тяжело – отражаясь на водном зеркале – с вершины холма, где стояла древняя церковь, ударил колокол.

И он, вздрогнув от неожиданности, почувствовав ледяную тревогу, быстро поплыл к берегу, взглядом отыскивая то место, где он сложил свою одежду.

Одетый, поджарый, освеженный, пружинистым шагом он вышел на центральную улицу, в ее залитый солнцем торжественно-блестящий жар; от булыжной мостовой поднимался горячий поток, крыши домов нестерпимо и ярко сверкали, как каски пожарных. Войдя в маленькое кафе, прилепившееся к зданию магазина, взял из холодильника кока-колу, и позже, в номере гостиницы, начал наливать в стакан, следя за спохватившейся пеной.

Зазвонил телефон, лежащий на столике за спиной, держа в руке стакан, он развернулся, и не дойдя одного шага, увидел, что звонит Вера.

– Саша! Здравствуй! Саша! Я выезжаю через два часа, потом самолетом, и поездом. Буду завтра в 04—25 московского времени. Я очень тороплюсь, не знаю почему. Ты слышишь?

У него задрожали ноги, и он пригубил ледяной напиток

– Я слышу, Вера! И очень жду тебя! Очень! Обязательно сообщи номер вагона, я подхватю тебя на руки и не отпущу уже никуда.

– Ты все такой же, Саша!

– Нет, я совсем другой, приедешь и увидишь. Совсем другой... До встречи!

– До встречи!

Он долго, растягивая удовольствие пил из стакана, потом налил еще, и поднося к губам темную и вкусную прохладу напитка, вновь услышал телефонный вызов.

– Але! Полина? Доченька! Что случилось, моя милая? Что? Как? Не плачь, слушай меня! Слушай внимательно! Перестань плакать, я уже выезжаю! Я все сделаю сам! Успокойся! Слышишь? Прошу тебя, успокойся, моя хорошая. Я еду! Еду! Милая моя...

Его била мелкая дрожь, и он не мог понять из-за чего более, от всепоглощающего ужаса, свалившегося на дочку, или от безвозвратной потери жены, погибшей час назад в автокатастрофе.

Милана

Всего один лишь вечер, да даже малая часть его, прозвучавшая томительной нотой.

Когда солнце, бессильно барахтаясь в море, цепляясь лучами за тонкие облака, погружается в лазурную пучину.

Когда листья платанов перешептываются под дуновением ласкового бриза, а в тени кипарисов вспыхивают загадочные белые звезды, приглашая откликнуться еще бледных, но уже различимых на небосклоне своих двойников.

Мгновение спустя золотой луч рассекает лоно залива пополам – блеск печальной луны. Морской запах перемешивается с цветочным.

Скольжение хрупкой красивой руки по каменным перилам крутого и долгого мраморного спуска, летящий по ступеням подол вечернего платья – улетающий, тающий аромат, под перестук каблучков. На повороте лестницы – стремительный поворот головы. Волосы еще в полете, а глаза – замерли, поразив меня персидской красотой.

Ей 24. Она из Антиба. Но уже успела побывать замужем и прожить пять лет в Париже. Легка и порывиста. Невероятно чистоплотна и ценит минимум косметики. Во время нашего первого танца долго смотрела мне в глаза, взглянув потом на жену, спросила.

– Вы давно вместе?

– Да.

– Я бы хотела такой жизни.

Я вздрогнул, все одиночество мира глядело на меня глазами Миланы.

После танца, распахнув стеклянную дверь, вышел на балкон, в звенящую и восхитительно-черную ночь. Легкое дуновение с моря и быстрый шепот за спиной.

– Можно, я постою с вами?

Взяв ее ладонь, почувствовал горячее сплетение пальцев.

Высокий, смуглый, он поразил ее в первый день своего приезда в Антиб. Ранним утром возле отеля притормозил автомобиль – такси из Ниццы – доставивший из аэропорта пожилую пару. Стройного поджарого мужчину военной выправки, и совсем невероятно легкую, гибкую женщину, восточной, совершенно дикой волнующей красоты.

Юноша уже вынимал чемоданы из багажника, властно отстранив водителя рукой от прописанных ему обязанностей. На нем были светлые брюки, такого же цвета летние туфли и белая сорочка, расстегнутая на половину от горла и открывшую крепкую грудь.

Они сняли два номера, родители на первом этаже, а для повзрослевшего сына – на втором. Небольшую угловую комнату с видом на далекие Альпы. Милана, сидя за стойкой, оформляя оплату за проживание, видела его блеснувшие горячей чернотой глаза, когда отец вручил ему ключ, строго наказав при этом не опаздывать к завтраку.

Стоял август, Милане исполнилось 18, Мишель был на год старше. Он тут же вернулся, протянул ей руку, назвав себя. И она почувствовала мгновенный озноб. А когда они втроем пошли на завтрак в залитую солнцем столовую, он, найдя глазами ее глаза, ослепительно улыбнулся. Смутившись, дрогнувшим голосом, Милана, сославшись на головокружение, отпросилась у своего отца – хозяина отеля, сходить к морю.

Погулять на свежем воздухе, быть может искупаться.

Вода успокаивала жарко бившееся сердце, причина беспокойства была где-то рядом, и пока она пыталась избавиться от нахлынувшего, в спину ударил его звонкий голос – Милана! Она обернулась.

Налетев вихрем, заговорил, растормошил, околдовал, и она уже не могла сопротивляться его глазам, обаянию, точеным сухим рукам. Увидев за его спиной идущих на пляж людей – вспыхнула, освободила свои ладони от нервных долгих пальцев Мишеля и кинулась прочь.

Напрямик, вверх по узкой тропинке, промельком загорелых ног, испуганной вздрагивающей козочкой, пряча загоревшиеся щеки.

– Что случилось, доченька! Вся запыхалась!

– Нет, нет папа, все хорошо! Я приму душ и вернусь!

– Поспеш! Потом позавтракаем вместе!

И ей стало так уютно и спокойно, мыслями возвратившись туда, на берег, к его прикосновениям – она залилась счастливым смехом и убежала к себе.

Ощущение солнечного невесомого счастья не покидало ее и тогда, когда после возражений отца, уговоров родителей Мишеля, после долгих и основательных бесед двух старших мужчин – она уехала в Париж. С женихом.

Потом месяц, проведенный в Марокко и Алжире, у родственников матери Мишеля.

В раскаленной африканской неизвестности, под обжигающей синевой неба, блуждая в финикийских и византийских развалинах на побережье, вкусив щедрость и роскошь самобытного гостеприимства, носимая на руках возлюбленного и на волнах нескончаемого радостного тепла, задыхаясь от его поцелуев – они вернулись в купленную для них квартиру на улице Жофруа в Латинском квартале.

В Париже уже стояла осень, солнечная и тихая. Степень бакалавра позволила ей устроиться на работу в окружной департамент полиции. Статистика ночных правонарушений, компьютер и ворох документов.

Выручал Мишель, приезжая за ней на машине, забирая после работы, привозил домой, отправлял в душ и готовил ужин. Его энергия восхищала, только она знала, да еще его родители, чем он занимается. Подразделение DST строго регламентировано и не афишируется.

Бесконечные тренировки и поездки по стране не утомляли его, и Милана не помнит дня его возвращения без букета цветов.

Как то вечером, в самый разгар парижской чудесной весны.

– Я сейчас вспомнила африканское побережье. Мне казалось, что за морем я видела маяк Антиба.

– Не может быть. Это же очень далеко!

– А мне хочется верить, что я видела, пусть даже мне все это показалось!

– Влюбленные видят даже то, что не видят другие.

Они шли по Латинскому кварталу, рука в руке.

И слышали оклик.

– Не хочешь поговорить с нами?

– В чем дело, ребята?!

Мишель, остановившись, предупредительно показал раскрытую ладонь.

Из затемненной стороны дома шагнули трое, судя по внешности и речи – арабы.
– Ты можешь идти, а девушка пусть останется!

И тогда Мишель быстро ответил на арабском. Они замерли, быстро переглянулись и двинулись навстречу. Мишель, левой рукой прижав Милану к стене, быстро сделал три шага вперед. Она закричала. Или только хотела закричать, зажав ладонью рот. Он успел уложить двоих, но третий, пригнувшись, по-лисы, сделал стремительный выпад в его в спину, справа, повыше пояса.

Мишель еще успел развернуться, вывернуть ему руку и ударить локтем в висок. Упали они разом, и сверкающее лезвие ножа зазвенело по мостовой. И тогда Милана услышала свой голос. Она еще сумела найти силы вызвать полицию и позвонить в скорую медицинскую помощь.

И уже в машине, находясь рядом с ним, припала к его груди.

– Мишель! Что ты сказал им? Не оставляй меня! Ты слышишь?

Врач аккуратно приподнял ее и сделал укол, после чего она горько заплакала.

В госпитале, в залитых ярким светом коридорах, словно спасительное пробуждение от сна, проступили лица родителей Мишеля. И она не знала, куда спрятать дрожащие руки. Стылое ожидание результатов операции. Сверкающие плитки кафеля, зеленые и желтые. Мертвая тишина.

Молодой, с седыми висками, хирург. Испарина на лбу.

– Будем надеяться на лучшее.

Она напросилась в палату, куда доставили его из операционной. Замерла, присев рядом. С другой стороны кровати – медсестра. Переплетение проводов, прозрачных трубок, монитор, холодное перемигивание светодиодов. Рассветало.

За минуту до ухода в другой мир он открыл глаза и четко произнес.

– Я сказал, что не отдам тебя никому!

И она потеряла сознание.

В мире для нее два места – Париж и североафриканское побережье, куда не хочется возвращаться. Какие уж тут слова утешения? Я держу ее ладони, и мы оба неотрывно смотрим на дальний маяк, тот самый, что она так хотела увидеть с противоположного берега Средиземного моря.

И я верю в это! Именно любовь позволяет заглянуть за дымку заманчивых горизонтов. Хотя бы раз в жизни.

Уроки русского

Каждым утром, выходя из дому, неспешно проходил мимо, слегка кося глазами в сторону её окон. В тайной надежде, что удастся различить в сумраке комнаты – силуэт, светлый промельк лица. Затенённости и загадочности добавляла сирень, густо разросшаяся в полисаде.

Однажды, совсем неожиданно для обеих, увидел как она, проснувшись, стоя в ночной сорочке, расчёсывала волосы в слабом свете зари. Наклон головы, обнажённый локоть, волна волос и стремительные движения гребня.

Он замер.

Почувствовав посторонний взгляд, резко повернулась, повела плечом и погрозила пальчиком.

Смутился, но её улыбка, глаза, светились радостью – улыбнулся в ответ и склонил голову.

– Мария Воронова!

Из четвероклассников, стоящих напротив выпускников, выпорхнула миниатюрная светлоголовая девочка. Распахнув глаза, остановилась.

И тогда он услышал свою фамилию.

Одноклассники дружно загудели.

Вахрушева сразу заключила, откинув пышную косу и внимательно оглядывая.

– Самый высокий и самая малявка.

– Давай, наш джентльмен.

Гончарова подтолкнула в локоть. Пахнула сладкой цветочной смесью.

Вобрав в себя улыбки друзей, шагнул.

Подхватив Марию, легко посадил на плечо, держа её за лодыжки, левой рукой она обняла его голову. Почувствовал хрупкость пальцев и тепло ладошки.

В правой руке девочки невесть откуда – он слишком был занят новым знакомством – появился бронзового цвета колокольчик.

Они двинулись по кругу актового зала, затем в коридор, вниз по лестнице, повернули налево и прошли вдоль выпускных классов с трелями последнего звонка.

Серебристо – весомый звук бил в окна, рассыпался по подоконникам, сливаясь с солнечными горячими всплесками.

После церемонии, идя рядом спросил.

– Волновалась?

Взглянув снизу, поправила чёлку.

– Нет. Нисколечко. А вы такой сильный.

– Потому что ты легкая.

И, улыбнувшись, помчалась в свой класс. По спине смешно и задорно прыгали косички с крупными белыми бантами.

Затем в его жизнь вошла война.

Кровавая, пыльная, раскаленная солнцем.

Афганистан.

Ему повезло. Не зачислили в списки убитых, пропавших без вести. Ни покалеченный, ни получивший пулю от снайпера, а ещё ужасней – шальную, ни взорвавшийся на mine, ни погибший от ран или кровопотери от них, ни замерзший в горах.

Он вернулся домой через пять лет. И увидел, как она выросла. Мария. Оказалось, что живет рядом, в двух шагах.

Из-за разницы лет он не запомнил. Так случается. Возраст играет нами независимо от разума.

Утро, майское, тёплое, пронизанное нежным цветением яблонь, голубиным клёкотом. Проходя мимо школы, услышав говор и смех, обернулся. Она бежала, шла, летела, цокая каблукчиками, щёки пылали весенним пожаром. На плечах струился шёлковый шарф, белое платье, белые туфли. Мираж. Неземное. Только взгляд её глаз. Такой же, искрящийся, запомнившийся.

Растерявшись, поразившись её взрослости, отыскивая в памяти тот день, когда впервые увидел, осознал, что ни разу, ни на секунду не задумывался, не вспоминал эту девочку из прошлой жизни. Ни лица, ни имени, ничего.

Да и было ли это?

Она же, налетев, словно ласковый ветер.

– А я знала, что вы вернетесь! Правда, правда! Что с вами ничего не случится. Что я снова увижу вас!

Встретились глазами. Поправляя ниспадающие волосы, улыбалась.

– А я уже школу заканчиваю! Мама платье на выпускной бал шьет, красивое, красивое! Хотите посмотреть?

Он хотел выдумать причину, чтобы отказать. Но она не позволила.

– Согласны?

Взяв его за руку, потянула за собой.

– Идёмте – же!

И он подчинился.

Её ладонь утопала в его крепкой руке.

Невероятная девичья свежесть исходила от плеч, волос, словно от реки, накрытой летним слепым дождём, когда косые штрихи, пробитые солнцем, беззвучно разбиваются на воде звонким бисером.

Говорила без умолку.

Рассказывала о своей учёбе, подругах, маме и бабушке, о прочитанных книгах.

О том, как дождливым осенним вечером встретила его мать.

– Где он?

И узнав, испугавшись, с полудетским страхом, прошептала.

– Дайте, пожалуйста, адрес.

– Я писала вам! Все эти годы!

– Мария! Тот адрес, на который вы писали, сменился. Мне пришлось воевать в разных местах. Ничего не поделать, война.

– А какая она, война?

Он остановился. Дрогнуло холодом под ложечкой, там, где душа.

Она выжидательно зябла от любопытства.

– Хотите, Машенька, я вам стих прочитаю?

Ослепительно улыбнулась.

– Да!

*Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно
Тот ничего не знает о войне.*

– Это написано Юлией Друниной. Женщина и война – особая тема, Машенька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.